

ЛОРЕНС СТЕРН

Левит и его наложница

Перевод и вступление КСЕНИИ АТАРОВОЙ

Журнал “Иностранная литература” в связи с юбилейной датой — 250-летием с года смерти Лоренса Стерна (1713—1768) — продолжает знакомить читателей с малоизвестной в нашей стране сферой творчества классика английской литературы — его проповедями¹.

Эти проповеди составили семь томов в творческом наследии писателя: первые четыре (том 1—2 — 1760 год и том 3—4 — 1766 год) были подготовлены и отредактированы самим автором, следующие три тома были изданы посмертно дочерью Стерна. Публикуемая здесь проповедь входит в третий том.

Избрав темой проповеди драматичный эпизод, изложенный в 19—21 главах Книги Судей Израилевых, Стерн, однако, оставил без внимания самую чудовищную, кровавую часть библейского сюжета. “Нет нужды продолжать рассказ далее, — замечает он как бы в оправдание, — катастрофа ужасна и уведет нас в сторону от цели, ради которой я все сие подробно излагал...” Зато он детальнейшим образом, со всеми нюансами повествует о душевной борьбе левита, от которого ушла наложница (борьбе, кстати сказать, очень напоминающей душевные колебания Йорика в “Сентиментальном путешествии”).

© Ксения Атарова. Перевод, вступление, 2018

1. Впервые одна из проповедей Стерна в русском переводе была опубликована в № 8 за 2013 г., с. 271—278.

вии”, когда тот решает, предложить ли незнакомой даме место в своей карете). И это притом, что о внутреннем мире левита нет ни слова в Библии.

Стерн творит как художник, для которого материалом стали не знакомые ему жители провинциальной Англии, а библейские персонажи. Тот же подход, тот же глубинный интерес к человеческой природе находим и в других проповедях, будь то анализ поведения блудного сына, доброго самаритянина или описание характера Ирода.

Стерн учит размышлению и милосердию, которые не исключают и сомнение, отвергающее поспешный, самонадеянный ригоризм.

И случилось сие в те дни, когда не было царя в Израиле, и жил там один левит на склоне горы Ефремовой, и взял он себе наложницу¹. —

— НАЛОЖНИЦУ! — но в Писании сказано: *в те дни не было царя в Израиле*, и левит, скажете вы, подобно любому жителю страны, поступал согласно собственным представлениям о том, что правильно, — и точно так, могли бы вы добавить, поступала его наложница, *ибо обошлась она с ним, как блудница, и ушла прочь.*

— Значит, стыд и печаль сопровождают ее, и где бы ни станет искать она крова, и да захлопнет длань справедливости пред нею двери. —

Нет, не так, ибо пошла она в дом родителя своего в Вифлееме Иудейском и оставалась с оным полных четыре месяца. — Благословенное время для размышлений как над бренностью и суетностью мира сего, так и над его радостями! Я вижу святого мужа коленопреклоненным — руки его прижаты к груди, глаза устремлены ввысь, он благодарит небеса за то, что та, кто столь долго делила с ним ложе, покинула его. —

В Писании сие изображено по-иному: *ибо он поднялся и, прихватив с собою слугу и пару ослов, пошел за нею, дабы побеседовать дружески и вернуть ее обратно; и она ввела его в отчий дом; и отец молодой женщины, увидев его, возрадовался и радушно встретил его. —*

Какая сентиментальная сцена! — скажете вы, и сие действительно так, добрые мои толкователи, но свет обо всем судачит — дайте лишь общие очертания рассказа, позвольте *Злобе* и *Ханжеству* схватиться за кисть, — и они завершат сию сцену столь грубыми мазками и столь грязными красками, что *Непорочность* и *Об-*

1. Библейские цитаты даются в переводе К. Атаровой, так как Стерн цитирует Библию (Книга Судей. 19:1, 2, 3) по стандартному для его времени переводу короля Якова, который в данном случае плохо ложится на канонический русский перевод. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

ходительность в муках лишатся чувств, взглянув на нее. — Нежные добродетельные души! Вы, кому неведомо суровое осуждение (разве что собственных своих слабостей), к вам обращаюсь я, бескорыстные защитники поступков заблуждающихся людей, — зачем свет не столь ревностно прислушивается к вашему заступничеству? Сколь часто приходится вам повторять: то, что некий человек поступил так-то, еще не достаточное основание выносить обвинительный приговор; что действия наши окружены тысячью обстоятельств, кои не видны с первого взгляда; что изначальные пружины и мотивы, движущие несчастным, лежат все же глубже и что из миллионов ежечасно привлеченных к ответу тысячи совершали ошибки всего лишь по недомыслию и были, по существу, обманом вовлечены в злое дело; а ежели и по велению сердца — то трудности и искушения, под влиянием чего они действовали, — сила страстей, — привлекательность соблазнов и жесточайшая душевная борьба, предшествовавшая падению... — да будет все это призывами к правосудию проявить милосердие.

А коли так, давайте прервемся здесь на минуту и еще раз послушаем историю левита и его наложницы: подобно всем прочим историям, тут многое зависит от того, как рассказать ее; и так как в Писании нет никаких разъяснений, то перед нами история, о коей сердце вправе сказать, что захочет, а воображение — предполагать все что угодно, опасность лишь в том, что люди могут сказать много лишнего.

И случилось сие в те дни, когда не было царя в Израиле, и жил там один левит на склоне горы Ефремовой, и взял он себе наложницу. —

О Авраам, о отец истинно верующих! Ежели сие дурно, зачем же подал ты столь опасный пример для всех своих потомков? И зачем Бог Авраама, Бог Исаака и Иакова столь часто благословляет семя таких соитий и обещает плодовитость и процветание зачатым от оных?

Бог вправе руководствоваться собственными законами; и, соответственно, мы находим святейших из патриархов и некоторых других персонажей Писания, чьи сердца, проникнутые Богом, приспособились, насколько сие возможно, к свободе от обязательств: а по сему у Авраама была Агарь; Иаков, помимо двух жен, Рахили и Лии, взял себе еще Зелфу и Валу, и от них произошло много племен; Давид имел семь жен и десять наложниц, Ровоам — шестьдесят, и во всех этих случаях укоризны заслуживал не сам поступок, а жестокое обращение с женщинами; замечательно, что Соломон, чья неводержанность оскорбляет род человеческий, с тою же любовью к роскоши, из-за коей держал он сорок тысяч конюшен, столь же ошибочно оценивал и другие свои нужды, вследствие чего держал семьсот жен и триста наложниц. —

Мудрый — но заблуждающийся человек! Кабы не загладил ты в какой-то мере сей дурной поступок своими прекрасными проповедями, что бы с тобою стало! — три сотни... но, умоляю вас, давайте отворотим взор свой от столь прискорбно отступающегося недоумка.

У левита наложница была всего лишь одна. На иврите слово сие означает женщину-наложницу либо жену-наложницу, дабы отличить ее от более бесстыжих особ, кои беззастенчиво приходят под кров законных. Наши толкователи утверждают, что в израильском экономическом укладе наложница мало отличается от жены: коли не считать некоторых официальных церемоний и условностей, она согласуется с нею во всем самом существенном в супружестве и полностью отдается мужу (ибо так его называет) с обещанием верности, нежности и любви.

С таковою-то наложницей и хотел левит разделить свое одиночество и заполнить тоскливую пустоту сердца, ибо, несмотря на все то, что мы встречаем в книгах, где во многих из них, без сомнения, говорится немало хорошего о сладости уединения и прочая, и прочая, все же *нехорошо человеку быть одному...*¹, и какими бы доводами на сию тему бездушный педант ни оглушал наши уши, едва ли он когда-либо даст внятный нам удовлетворительный ответ. Несмотря на самые громкие восхваления философов, Природа будет стремиться к общению и дружбе; доброе сердце всегда будет нуждаться в ком-либо, на кого можно излить доброту свою — и все лучшее в нашем сердце, и самое чистое в нашем разуме будет более всего страдать от невозможности сделать это.

Пусть же унылый монах ищет свой путь к Царствию небесному в безрадостном одиночестве — да поможет ему Господь! Что же до меня, боюсь, я никогда не пойду по сему пути: даруй мне радость и веру — но дай мне быть Мужчиной. И куда бы Божественное проведение ни занесло меня, какую бы ни избрал я дорогу к Тебе — даруй мне спутницу в моем путешествии, пусть лишь для того, чтобы могла она сказать: “Как удлинились наши тени к закату дня”, — а я бы ответил: “Как посвежел лик Природы! Как прекрасны полевые цветы! Как великолепны сии плоды!”.

Увы! С горькими травами, как на Песах, вкушал их левит: ибо, хоть шли они вместе по дороге жизни, она, обуянная похотью, повернулась к другому и покинула левита.

Именно тихая, спокойная часть света обычно подвергается поруганию со стороны другой его части; но в этом есть и преимущество: каково бы ни было понимание нанесенного

1. Бытие. 2:18. Эту же библейскую цитату примерно в таком же контексте использовал Стерн позднее в “Сентиментальном путешествии” (Главка “Муж. Париж”).

ей ущерб, гордыня не стоит бдительным стражем над готовностью прощать, как стоит она в сердцах свирепых и свое нравных; я полагаю, всем нам следует быть более склонными к милосердию — только бы свет позволил нам быть таковыми; но он склонен вмешиваться со своими дурными услугами, особенно в отпущении такого рода грехов: дело в том, что законы света не всегда согласуются с велениями сердца; и действуют, подобно бесчувственной машине, во всех ситуациях без исключения, так что требуется вся твердость неколебимого человеколюбия, дабы противостоять им.

Много горьких споров пришлось претерпеть левиту в борьбе с самим собою из-за наложницы: чувства его племени в связи с нанесенным ему уроном — многое взывало к заступничеству, — немало и приводящих в смущение мнений со всех сторон. За четыре полных месяца все страсти поочередно брали верх; и во время отливов и приливов менее дружественных чувств *Жалость* находила момент вставить словечко, *Религия* и та не оставалась безмолвной, *Милосердие* было очень красноречиво — и таким образом настроенный, созерцал он окрестности горы Ефремовой, где каждый грот, каждая рощица, мимо коих он проходил, взывали к былой доброте и побуждали заступиться за молодую женщину сильнее, чем все остальное.

“Я признаю — признаю все, — восклицал он. — Сие мерзко! Сие вероломно! — но почему врата милосердия должны навек для нее закрыться? И почему именно сие печальное преступление потерпевший не может простить, а разум и воображение миновать его так, чтоб оно не оставило глубокой раны? — Разве оно самое черное? В каком перечне людских проступков считается оно таковым? Или изо всех возможных ударов именно его тяжелее всего перенести? Сердце восклицает: да, именно так. Но дайте мне спросить себя самого: каковы страсти, сообщившие остроту и силу сему поразившему меня оружию? И не моя ли это гордыня в той же мере, как и моя добродетель, составляет в сей момент большую часть той непереносимой боли в ране, вину за кою возлагаю я на нее? Но, милосердное небо! Да будет иначе. Почему несчастное создание Твое должно преследоваться мною с тою жестокой враждебностию и мстительной злобою, кои я испытывал вначале? Разве грехи не могут быть прощены, хотя бы частично? Не говорит ли в ее пользу то, что, совершив прегрешение, она покинула виновника своего падения и убежала прямо в дом родителя своего? И разве нет разницы между тем, кто, по собственной склонности сбившись с дороги, продолжает безвольно идти по ней, и несчастным путником, введенным в заблуждение и поспешно отступившим назад? Как прекрасен скорбный вид совершившего проступок, ежели он

всем сердцем намерен никогда боле не повторять его! — Лишь на сей алтарь могу я возносить молитвы о собственных грехах. А жестокое наказание, кое бесхитростный ум готов наложить на себя в раскаянии от столь тяжкого прегрешения супротив меня — ежели оно не уравновесит все сказанное, — праведный Боже! Разреши мне простить все остальное. Милосердие пребывает в сердцах всех чад Твоих — но боле всего в сердце слуги Твоего, левита, кто по столько раз на дню возносит Тебе молитвы за грехи народа Твоего”. —

“ — Но не много пользы, — мог бы он добавить, — в моем служении пред алтарем Твоим, где делом моим было молить о милосердии, кабы я не научился сам проявлять его”.

Да будет мир и счастье в голове и сердце каждого, кто способен так мыслить!

И вот он поднялся и пошел за нею, дабы побеседовать дружески — в оригинале сказано “поговорить с нею по душам” и воззвать к их былой привязанности — и спросить, как могла она быть столь жестока к нему и, главное, столь жестока по отношению к себе самой? —

От спокойных и мягких людей даже укоризны могут быть сладостны, в отличие от нападок яростных и неумолимых, кои кусают и истребляют все, что препятствует им на пути. Мог ли человек, так умолявший молодую женщину, не вернуть ее назад? И мог ли ее родитель в этой сцене открыть сердце свое для каких-либо иных чувств, кроме тех, о коих говорится в Писании? *И когда он узрел его, он возрадовался сей встрече; и день за днем настойчиво приглашал его: Дай отдых сердцу своему, удержишься еще на одну ночь и пусть повеселится сердце твое¹.*

Ежели Милосердие и Истина встретились таким образом для изложения сего рассказа, то и Любовь, разумеется, не могла остаться в стороне: велика — о, как велика сила ее в скреплении того, что было разбито, и в стирании даже из памяти дурных поступков — и так оно и было, ибо левит поднялся, а с ним и его наложница и слуга его, и они ушли.

Нет нужды продолжать рассказ далее; катастрофа ужасна и уведет нас в сторону от цели, ради коей я все сие подробно излагал, а именно: осудить поспешное суждение и показать при помощи манеры, в которой рассказал я сию драматическую историю, доброжелательность, на какую *действующие лица* любого другого сюжета имеют право рассчитывать.

Почти половина нашего времени уходит на выслушивание и рассказывание друг о друге чего-либо неодобрительного, ка-

кой-нибудь рыцарь злословия неизменно на сцене и ежечасно готов предложить нечто странное и ужасное для беседы, дабы удивить нас. “Как люди могут быть столь глупы!” — и хорошо еще, ежели все ограничится сим комплиментом: поскольку нет ни единой людской добродетели, в какой бы мы столь постоянно нуждались и которая, соответственно, столь же похвально возвращалась бы, как та, что противится сему потоку недоброжелательства. Многочисленны и резвы струи, что питают сей поток; разнообразны и внезапны, видит Бог, порывы ветра, кои неосторожно разносят его на кратком пути нашей жизни. Так давайте же сделаем насколько возможно полезным рассуждение на тему сию, проследив основные причины возникновения чувства недоброжелательства вплоть до его истоков.

Во-первых, есть одна ничтожная щелка, и сквозь нее проникает зло сие, — тот случай, когда суждение опережает осведомленность; сие может проистекать, насколько я понимаю, из нашей поспешности, когда с большим рвением, нежели знанием, рассказываем мы о том или ином феномене прежде, чем уверились в самом его существовании. — *У римлян нет обыкновения выдавать какого-нибудь человека на смерть... тем более на мученичество, — говорит Фест¹; Судит ли закон наш человека, если прежде не выслушают его и не узнают, что он делает? — восклицает Никодим², и тот, кто выносит решение по делу до того, как он его выслушал, проявляет глупость — и позор ему.*

Мы обычно так спешим вынести собственное решение, что не задумываемся о его справедливости, и тогда ситуация настолько меняется, что только лишь наша глупость реальна, а глупость обвиняемого — воображаема. Это происходит из-за чрезмерной поспешности; и тогда насмешка становится неуместной — или же мы насмехаемся над собственной тенью.

Второй случай, когда процесс идет правильнее и мы начинаем с получения сведений, однако получаем их из тех сомнительных источников, против коих Спаситель предупреждал, когда просил нас — *не судите по внешности*³; правда находится где-то внутри, и действительно большинство вещей, что мешают людям здраво судить, кроются за внешними причинами, и, наоборот, существует множество вещей, кои лишь мнятся таковыми, но ими не являются: *Христос пришел, ел и пил, — вот ведь пьяница!* — *Он сидел с грешниками — Он был их другом*⁴; во многих такого рода случаях Правда, как скромная ма-

1. Деяния. 25:16.

2. Иоанн. 7:5.

3. Иоанн. 7:24.

4. Лука. 7:34.

трона, презирует ухищрения и считает ниже своего достоинства вылезать вперед, в центр круга, дабы ее заметили; и сие есть достаточное основание для Подозрительности, дабы приклеить ярлык, для Злобы, дабы извращать, или для поспешного Суждения, выносящего окончательный приговор.

Третий случай, когда факты, указывающие на дурное поведение, не столь спорны, но сопровождаются суровым осуждением, без чего обошелся бы гуманный и сострадательный нрав. За подобную суровость справедливо заступается отвращение ко всему преступному, и внешне она выглядит как добродетель, так что в проповеди, посвященной поспешному осуждению, говорить об этом представляется неуместным, и, однако, я заявляю, что во всем потоке восклицаний, коего заслуживает обвиняемый, простой риторический вопрос “А чем я отличаюсь? Не мог ли я быть на месте его?” тронул бы сердце мое сильнее и более убедил бы в искренности толкователя, нежели самое едкое замечание, кое вы могли бы добавить. Несчастному довольно и понесенного наказания, а ежели нет, то печально, когда язык христианина, чья религия — самая доброта и учтивость, становится палачом. Мы видим, что в разговоре Авраама с богачом, хотя один пребывает на небесах, а другой — в аду, патриарх говорит ему все же в очень мягких тонах: “— Сын! — Сын, вспомни, что ты в своей земной жизни, и т. д., и т. п.”¹. А про спор между Архангелом и самим диаволом о теле Моисея святой Иуда говорит нам, что не смел Михаил Архангел произнести укоризненного суда² — сие было бы недостойно его возвышенного характера и, кроме сего, могло бы оказаться и неразумным, ибо поступил он так, как отметил один из наших богословов, толкуя сей эпизод, с диаволом по части насмешек было бы ему не справиться — ибо сие — оружие диавола, и низкие души, следуя его примеру, — лучшие знатоки в делах оных.

Это подводит меня к высказыванию относительно четвертого, самого жестокого источника сего зла, а именно к желанию показаться умником и остроловом и в тщетной надежде соответствовать сему званию благодаря тонким саркастическим замечаниям обо всем на свете. Сие означает строить собственную торговлю на потерях других людей — возможно, на их несчастиях; так много ли хорошего в таких похвалах — самое большее, полагаю, их будут хвалить, подобно тому, как хвалим мы некоторые приправы со слезами на глазах. Такая

1. Лука. 16:25.

2. Послание Иуды. 1:9.

коммерция — для самых скаредных, а так как не требует она большого капитала, слишком многие прибегают к ней; и до тех пор, покуда дурным страстям потворствуют, а дурные головы творят суд, до тех пор сие могут принимать за остроумие, подобно тому, как какого-нибудь дурного родича, хоть и стыдится вся семья, однако признает родство с ним даже в высшем обществе. Какова бы ни была степень схожести, благодаря ей остроумие заслужило дурное имя, как ежели бы его сутью была сатира. Разумеется, есть разница между язвительностью и остроумием (то есть между злословием и веселостью ума); первая — скорее, быстрота восприятия, в ней нет гуманности — сие талант Дявола; второе от Отца Духов, оно чисто, в нем нет ничего личного, оно сознательно никого не задевает, а ежели иногда и граничит с неблагопристойностью, то делает сие с таким гениальным умением, кое сообщает новые краски нелепице и никого не обижает. — Оно способно с улыбкою взирать на обелиск, воздвигнутый во славу другого; тогда как язвительный ум, не медля, сравнивает обелиск с землею и построит на руинах памятник самому себе.

И что же, вы, о безрассудные хулители сего мира! Ужели нет у вас иных дворцов для вашей веры, кроме тех, из коих изгнали вы законных владельцев? Ужели во всем свете нет места, где вы могли бы блистать и вам приходится спускаться в темные бездны оскорблений и порицаний? Ужели не способны вы на иные подвиги, кроме как наносить оскорбления? Ежели Благодетель сбилась с дороги, а Добродетель в своей необузданности слишком приблизилась к границам зла, должны ли они за сие быть сброшены в пропасть? Должна ли Красота быть втоптана в грязь за один — только один ложный шаг? И ужели ни единая добродетель, ни единое доброе качество из тысячи, кои прекрасная грешница могла бы предъявить, не встанут на ее защиту? О, Боже правый! —

Но Ты милосерд, любвеобилен и справедлив, Ты взираешь с сокрушением на весь тот вред, что слуги Твои чинят друг другу; молим Тебя, помилуй нас за сие и все прочие наши прегрешения. Да не поминай нам, поскольку мы братья по плоти, по чувствам, по слабостям. О Господи! Не заноси в Твою книгу, поскольку сделал Ты нас милосердными по своему образу и подобию, поскольку дал нам религию, столь любезную, столь доброжелательную, что каждая ее заповедь льет бальзам с целью излечить раздражительность природы нашей и умягчить дух наш, дабы смогли мы в земном существовании жить в столь добрых отношениях, чтобы оказаться достойными пребывать совместно в жизни вечной.